

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТНОГО СНОВИДЧЕСКОГО РАССКАЗА

Татьяна Семеновна Садова

доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: tatsad_90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются универсальные текстовые характеристики устных рассказов о сне. Утверждается наличие типизированных моделей устных сновидческих повествований – как фольклорных, так и современных устноречевых, спонтанных, переданных в записи. Указываются стилистические характеристики этих текстов, их структурные и общезыковые признаки. Материалом исследования стал анализ более 200 сновидческих рассказов, записанных в течение 2004-2005 гг. в Санкт-Петербурге. Инвариантный рассказ рассматривается как особый речевой жанр со специфическими поэтическими чертами. Кроме того, отдельное внимание уделено городскому рассказу о снах в романах Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: сновидческий рассказ, текстовые признаки, типизированные модели, быличка, сон в фольклоре.

Пересказать сон так же трудно,
как, скажем, пересказать словами
музыкальное произведение.

Ю.М. Лотман

[Лотман: 225]

Объемные, странные, часто алогичные сновидения чрезвычайно сложно передать естественным «линейным» текстом. Языку реального времени и пространства непросто справиться с этой задачей: создавая снотекст, рассказчик часто сбивается в повествовании, нередко повторяясь; порой, словно извиняясь за свою неловкость, прибегает он к самоисправлениям, оговоркам; суетно, пытаясь догнать воспоминание о снодействии, усекает предложения или, напротив, злоупотребляет длиннотами, увлекаясь вставными и инверсивными конструкциями. Это хорошо отражено в текстах Корпуса «Рассказы о сновидениях», в котором собраны спонтанные рассказы сновидцев-подростков [Кибрик, Подлесская].

Существуют при этом и некие традиционные, санкционированные языковой системой, типизированные способы передачи сюжета в устной речи, в условиях которой

(к тому же) имеется возможность использовать и невербальные способы информирования: жестикуляцию, мимику, фонацию. Сложнее и проще – одновременно – дело обстоит в письменной речи; на первый план здесь выступает, прежде всего, «творческий синтаксис»: от его гибкости и многовозможности зависят и полнота передачи эмоционального фона, всегда сопровождающего снорассказ, и достоверная – «действительная» – картина увиденного во сне.

Символика снорассказов, отраженная по преимуществу в лексике, имеет безусловно национальные черты [Сон – семиотическое окно...]: предвестия беды, радости, войны, плодородия и т.д. – общекультурные знаки, получившие в процессе долгого бытования многовековую мифопоэтическую «обработку»: *Во сне дом завалился – к скорой смерти* (СДК-50, Котецко, 1990); *Кот во сне – к злему знакомству* (СДК-50, Котецко, 1990); *Птица во сне – к покойнику* (СДК-49, Ивановское, 1990)¹.

«Рассказы о сновидениях – вклад конкретной личности в художественное познание жизни», – писал профессор И.В. Страхов [Страхов: 116], и это очень верно; добавим лишь, что, будучи явлением таинственным

¹ Здесь и далее фольклорные иллюстрации из Архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» СПбГУ; СДК – шифр Архива, указывающий на номер группы собирателей, далее – название селения, где работала группа, год работы.

и неизученным по сей день, сон всегда был и остается окружен мифологическим по существу и национальным по содержанию культурным контекстом.

Когда мы сгорели, мне приснились отец, мать и тетка <...> легли на пол и зовут меня к ним лечь. А я говорю: «Да нет, я лягу здесь, с Сережей». Они три раза меня звали, а я не иду к ним. Сон-то сбылся. Все сгорело, а остались только я с Сережей <...> [Черепанова: 29]. О том же и снопримета, записанная на Русском Севере: *Если во сне покойники зовут и пойдешь с ними – умрешь* (СДК-22, Слуда, 1985).

Толкование снов – предельно мифологизированная культурная традиция, имеющая и в России долгую историю. Однако различия два ее богатейших источника: письменные снотолкования, пришедшие с первыми книжными потоками в X – XII вв. (В древнерусской литературе почти все «символы черпались из одного и того же теологического фонда» [Лихачев 1979: 165]), и более ранняя, устная – языческая – традиция сногадания, имевшая как обрядовые, так и необрядовые характеристики. Причем древнейшая устная традиция снорассказывания сохраняется в современном мире вполне определенно [Толстая; Толстой].

В качестве примера традиционного сноповествования рассмотрим текст былички, записанной в Новгородской области в 1990 году.

<...> Седьмого июля на Ивана ключок клада ищут. Пошли как-то клад искать на Денежную горку. А одна женищина не пошла, говорит: «Бог даст, так и в окошко подаст». Идут, видят, лежит собака мертвая. Говорят: «Давай пошутим», – ну и кинули той женищине в окошко. А собака и рассыпалась на деньги.

Дедушке сон приснился, кто-то говорит ему: «Будешь ехать, найдешь клад на Денежной горке. Тогда позови бедную вдову и вместе выроете сундучок с деньгами». Поехал он на Денежную горку и нашел клад, да только вдову жалко звать, позвал сына, чтоб все деньги им достались. Пришли, а там одна ямочка пустая – вот. И кто велит во сне – неизвестно (Новг., Старорус., Ивановское, 1990) [Черепанова: 104].

В приведенном рассказе отметим ряд традиционных для русского фольклора мотивов [Пропп]. Прежде всего, мотив христианского смирения и, как следствие, неизбежной награды. Показателен и мотив испытания героя чудесным обогащением, которое он (в данном случае) не выдерживает, за что получает «законное» наказание (здесь – пустой клад). Важен и мотив сострадания к несчастному: здесь – к бедной вдове. Чрезвычайно ярким является и образ самой Денежной горки, явно аномального (нечистого) места, куда указывает голос во сне. Клады вообще являются, как правило, в местах нечистых и таинственных [Черепанова: 177]. При всей

спонтанности и неподготовленности, свойственной любому жанру устной речи, фольклорные снарасказы имеют все же некую инвариантную структуру. Более того, оказалось, что и современные устные повествования о снах строятся по схожим текстovým моделям.

В процессе вербального моделирования потока видений необходимо, прежде всего, «расставить» события в пространстве повествования, определить временные их соотношения. Временем становится собственно протяженность повествования о сне, пространственные ориентиры, его заполняющие, – вещи-символы (*дорога, собака, окно, гора, клад* и под.). О свойствах знаков сна очень верно сказал о. П. Флоренский: «Каждая часть вещи сама притязает быть вещью, каждая точка существует сама по себе, не связываясь с другой точкой, с другим пятном. <...> Тут нет теперь вещей, но зато в полной мере господствует начало вещественности. Иначе говоря, перед нами не пространство, а среда» [Флоренский: 143]. Потому, возможно, снарасказы не отличаются эпитетностью и разнообразием поэтических средств, хотя само содержание, как кажется, требует изобразительных приемов. Так, сочетаний с эпитетами в приведенной быличке – не более четырех, если принимать во внимание местный топоним *Денежная горка*, а также учитывать реальные (по классификации А.Н. Веселовского [Веселовский]) эпитеты: *собака мертвая, бедная вдова, ямочка пустая*. Характерно и то, что в рассказе (и собственно пересказе сна) при всей напряженности сюжета практически нет эмоционально-экспрессивных или оценочных лексических элементов: дается максимально «объективная» информация повествовательного типа. Глагольная лексика (*ищут – не пошла – говорит – идут – видят – лежит – кинули – рассыпалась* и т.д.), указание на «одну женщину», «дедушку» без имени, неопределенность мистического голоса «кто-то» – все эти средства позволяют создать т.н. достоверный рассказ. Права С. Небжеговска, когда говорит о том, что рассказы о снах, «апеллируя к личному опыту, поддерживают веру в прогностическую ценность сновидения» [Небжеговска: 68].

Следует отметить, что представлению о достоверности снарасказа вовсе не мешают многочисленные недосказанности и недомолвки, о чем свидетельствует и языковая характеристика «правдивых» снарасказов: чем больше неопределенных местоимений, нереферентных наименований, чем больше в тексте неточностей и алогизмов, тем (как ни странно) достовернее он звучит в условиях сноповествовательного дискурса. И в нашем примере основные действующие лица – без имени: *дедушка, кто-то, бедная вдова, неизвестно кто*. Это весьма нехарактерно для традиционной былички, в которой действует принцип «свидетельского

ловский]) эпитеты: *собака мертвая, бедная вдова, ямочка пустая*. Характерно и то, что в рассказе (и собственно пересказе сна) при всей напряженности сюжета практически нет эмоционально-экспрессивных или оценочных лексических элементов: дается максимально «объективная» информация повествовательного типа. Глагольная лексика (*ищут – не пошла – говорит – идут – видят – лежит – кинули – рассыпалась* и т.д.), указание на «одну женщину», «дедушку» без имени, неопределенность мистического голоса «кто-то» – все эти средства позволяют создать т.н. достоверный рассказ. Права С. Небжеговска, когда говорит о том, что рассказы о снах, «апеллируя к личному опыту, поддерживают веру в прогностическую ценность сновидения» [Небжеговска: 68].

Следует отметить, что представлению о достоверности снарасказа вовсе не мешают многочисленные недосказанности и недомолвки, о чем свидетельствует и языковая характеристика «правдивых» снарасказов: чем больше неопределенных местоимений, нереферентных наименований, чем больше в тексте неточностей и алогизмов, тем (как ни странно) достовернее он звучит в условиях сноповествовательного дискурса. И в нашем примере основные действующие лица – без имени: *дедушка, кто-то, бедная вдова, неизвестно кто*. Это весьма нехарактерно для традиционной былички, в которой действует принцип «свидетельского

показания» – с реальными именами людей, действующих в реальных условиях.

Разумеется, в отношении письменных фиксаций устных снарассказов (как и других фольклорных записей) следует иметь в виду и естественные погрешности самой записи: не всегда собиратель, даже подготовленный, имеет возможность достоверно и «до точки» воспроизвести живое повествование.

Анализ структуры более двухсот текстов устных городских снарассказов, записанных в течение 2004 – 2005 гг. в Санкт-Петербурге [Садова 2004], показал, что существуют инвариантные структурно-стилистические признаки, характеризующие сновидческие рассказы как особые речевые жанры со специфическими поэтическими чертами. Характерная особенность рассказов о снах и в том, что очень часто они представляют собой «развернутую» снопримету, известную рассказчику. Возможны и обратные случаи – текст снарассказа может «свернуться» до уровня сноприметы [Садова 2012].

Общие замечания о структурном и содержательном своеобразии текстов «городских сновидений» можно свести к нескольким позициям. Так, практически во всех рассказах имеем отчетливо выраженные обрамляющие конструкции, где обрамление – есть отражение «яви», а основное содержание – рассказ о «неяви» (но пересказанное по законам «яви»). Обрамление, как правило, представляет собой небольшое вступление, препо-

зицию сновидения, и заключение, постпозицию сновидения. Препозиция, выраженная интродуктивными конструкциями (*снится сон; часто снится один и тот же кошмар; этот кошмар мне снится в последнее время и под.*), чаще всего представляет собой описание общего впечатления от сна, определение времени увиденного сна, указание на тему сна. Постпозиция, как правило, это замечание о том, как и в связи с каким внешним *раздражителем* рассказчик пробудился.

В повествовании-описании самого сна вставные конструкции сравнительного содержания, вводимые союзами *как будто, как, как бы, вроде* и т.д., есть не что иное как «содержательные вкрапления» яви, поскольку узнавание, соотнесение увиденного во сне с реальностью, требует постоянных точек пересечения этих двух сюжетных параллелей: явь – неявь.

В большинстве рассказов о снах можно выделить несколько структурно-семантических пластов (планов), составляющих пространство текста. Причем характерны они как для современного «городского» сноповествования, так и для фольклорного. Более того, исследование многочисленных литературных снов показало, что писатели воспроизводят традиционную структуру снарассказа весьма точно [Нечаенко].

1. Структурно-семантический пласт, реализующий позицию основного субъекта действия (чаще всего, «я» в реальности сна, от-

личного от «я» рассказчика). На лингвистическом уровне он выражается описательно и непосредственно, напрямую. Описательный способ – название субъекта через оговорки (*кажется, это я; вроде это я и не я одновременно; это будто бы я* и под.); описание субъекта действия через чужое восприятие (*ее, кажется, все боятся; его никто не видит, но все слышат; кто-то неприятный* и под.).

Прямой способ – непосредственное название субъекта (*я, друг, папа, знакомые люди, цыганка* и под.); наличие личных глаголов с грамматическими указателями лица, времени (*иду по тихому коридору; плаваю в озере* и под.). Названия признаков, качеств и свойств субъекта (*веселый, знающий, злой* и под.).

2. Структурно-семантический пласт, реализующий позицию «я» рассказчика, т.е. «я» реальности. Как правило, «я» рассказчика проявляется в пре- и постструктуре сновидческого рассказа, когда описывается предыстория и последствия сновидения. В самом рассказе частотны вводные, поясняющие ремарки, имеющие отношение к реальности и, следовательно, к позиции «я» рассказчика. Многочисленные неопределенные местоимения *какой-то, чей-то, зачем-то* и под. – также показатели «присутствия» «я» рассказчика в повествовании, поскольку необычными и неожиданными все реалии сна кажутся только рассказчику – во время сновидения все увиденное есте-

ственно и, как правило, не вызывает удивления.

3. Структурно-семантический план, реализующий позицию неосновного субъекта действия (или нескольких), на языковом уровне выражается теми же способами, что и в случае с основным субъектом.

4. Структурно-семантический план, реализующий понятие о пространстве и времени происходящих событий: название помещения (*комната, дом*), пространственных границ (*улица, город*) деятельности субъектов действия, название времени. Сюжет всего рассказа может стать пространственным ориентиром действия субъекта(-ов) повествования: структурные части рассказа, выстроенные сновидцем последовательно в соответствии с происходящими событиями, могут стать единственным указанием на время происходящих событий.

5. Структурно-семантический план, реализующий представление о пророческом знаке. На уровне лексическом он выражается названием этого знака и его признаков, свойств (*синие цветы, вспышки салюта, вода, жуть*). На уровне структурном знаки оказываются знаками только в послесловии, в заключении рассказа о сне, чаще всего в рассуждениях при анализе увиденного.

В подавляющем большинстве этих рассказов сюжет имеет характерную для всех повествований эмоционально-напряженного содержания кульминационную точку. Роль

этой «точки», как правило, играет слово «вдруг» или синонимичные ему слова.

Д.С. Лихачев отмечал особое значение «вдруг» в художественных текстах и, прежде всего, в произведениях Ф.М. Достоевского: «"Вдруг" у Достоевского – не просто "порывисто", "внезапно", а "необъяснимо внезапно", ибо слово "вдруг" появляется тогда, когда нарушается естественный ход событий, когда будущее вторгается в настоящее» [Лихачев 1989: 170]. Примерно то же значение приобретает «вдруг» и в текстах снов – предвосхитить нечто нереальное, нереальным же осознаваемое. В письменных жанрах чудес и видений «вдруг» предваряет истину, откровение, открытие. Это слово, как правило, лексический маркер начала кульминационного события во сне.

О мифологизме поэтики Достоевского, и особенно в части сновидческих сюжетов, в литературоведении сказано и написано достаточно много [Кондратьев]. Б.С. Кондратьев называет эти сновидческие сюжеты особыми текстами, выстраивающимися «в единую многоуровневую систему», которая, в свою очередь, «является структурным "ядром" мифопоэтики Достоевского в целом» [Кондратьев: 17].

Понятно, что авторское мировосприятие, художественная манера конкретного писателя и определяет ядро его творческого почерка. Однако исследователи отмечают, что Ф.М. Достоевский словно сам живет во

сне и мыслит сновидческими категориями: «у Достоевского детали того, что снится, изображены с такой тонкостью, так безукоризненно, со вкусом и до малейшей черты обработаны, так художественно достоверны, что ощущения во сне иногда превосходят восприятия действительности» [Кондратьев: 53]. Возможно, поэтому сны героев Достоевского (структурно, содержательно) так реальны и так созвучны снам наших информантов.

Для сравнения приведем (с известными сокращениями) сон Мити Карамазова, героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамзовы», и обратим внимание на то, что отмеченные структурные признаки рассказов о снах современных информантов представлены и здесь весьма отчетливо, несмотря на то, что перед нами литературный сон – принципиально отличное текстовое пространство и по содержанию, и по происхождению.

Митя встал и перешел с своего стула в угол, к занавеске, прилег на большой накрытый ковром хозяйский сундук и мигом заснул. Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени. Вот он будто бы где-то едет в степи, там, где служил давно, еще прежде, и везет его в слякоть на телеге, на паре, мужик. Только холодно будто бы Мите, в начале ноябрь, и снег валит крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю, тотчас тает. И бойко везет его мужик, словно помахивает, русая, длинная такая у него борода, и не то что старик,

а так лет будет пятидесяти, серый мужичий на нем зипунишко. И вот недалеко селение, виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна. А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, все испитые, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребенок. <...> [Достоевский, «Братья Карамазовы»].

Оказалось также, что на уровне текста категория обусловленности проявляет себя как одна из основных семантических характеристик этого типа текста. Временная обусловленность различных частей рассказа маркируется соответствующими лексическими элементами: например, наречиями времени (*сейчас, завтра, потом, следом за, вначале и под.*); пространственная обусловленность действий, ситуаций – прежде всего, лексическими маркерами, наречиями или существительными спредлогами, имеющими пространственную семантику (*при выезде, недалеко, в степи, с краю, где-то и под.*). Наиболее характерной и для литературного, и фольклорного сносрассказа является ярко выраженная обусловленность причинно-следственных отношений между знаком и прогнозом в сновидческом рассказе: как правило, он имеет заключительную часть, повествующую о пророческом следствии сновидения.

Литература

Веселовский, А.Н. Историческая поэтика. М.: Художественная литература, 1940.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 тт. Т. XIV. Л.: Наука, 1976.

Кибрик, А.А., Подлеская, В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Кондратьев, Б.С. О мифологизме Ф.М. Достоевского: Онтология и поэтика сна. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайда-ра, 2001.

Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989.

Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992.

Небжеговска, С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. 1994. № 5. С. 67–74.

Нечаенко, Д.А. История литературных сновидений XIX – XX вв.: Фольклорные, мифологические и библейские архетипы в литературных сновидениях XIX – начала XX вв. М.: Унив. кн., 2011.

Пропп, В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998.

Райан, В.Ф. Толкования снов и гадания, связанные с человеческим телом // Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический об-

зор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 225–234.

Садова, Т.С. «Механизм» сворачивания и разворачивания текста приметы в устном сновидческом рассказе // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. ред. С.В. Вяткина, Д.В. Руднев. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. С. 457–465.

Садова, Т.С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004.

Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. Випперовские чтения. Вып. XXVI / Под ред. И. Даниловой, Д. Молока. М.: ГМИИ, 1993.

Страхов, И.В. Психология сновидений // Уч. записки Саратовского государственного педагогического института. Вып. XX. Саратов, 1955. С. 142.

Толстая, С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001 – 2002. С. 198–219.

Толстой, Н.И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 303–310.

Флоренский, П.А. Статьи и исследования

по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000.

Черепанова, О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.

References

Cherepanova, O. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa* [Mythological stories and legends of the Russian North]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ.

Danilova, I., & Molok, D. (Ed.). (1993). *Son – semioticheskoe okno. Snovidenie i so-bytie. Snovidenie i iskusstvo. Snovidenie i tekst* [Dream – semiotic window. The dream and the event. The dream and the arts. Dreaming and text]. *Vipperovskie chtenija. Vol. XXVI*. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts Publ.

Dostoevskij, F. (1976). *Polnoe sobranie sochinenij v 30 tomakh* [Complete collection of works in 30 volumes]. Vol. XIV. Leningrad: Nauka.

Florenskiy, P. (2000). *Statyi i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and studies on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow: Mysl'.

Kibrik, A., & Podlesskaya, V. (2009). *Rasskazy o snovideniykah: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: corpus research of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Kondrat'ev, B. S. (2001). *O mifologizme F.M.*

Dostoevskogo: ontologija i poyetika sna [About mythologism of F.M. Dostoevsky: ontology and poetics of dreams]. Arzamas: Arzamas State Pedagogical University Publ.

Likhachev, D. (1979). *Poetika drevnerusskoy literatury* [The poetics of ancient Russian literature]. Moscow: Nauka.

Likhachev, D. (1989). *Zametki i nablyudeniya: iz zapisnyikh knizhek raznyikh let* [Notes and observations: from the notebooks of different years.]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel'.

Lotman, Yu. (1992). *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Progress.

Nebzhegovska, S. (1994). *Sonnik kak zhanr pol'skogo fol'klora* [Dream interpretation as a genre of Polish folklore]. *Slavyanovedenie*, 5, 67–74.

Nechaenko, D.A. (2011). *Istorija literaturnykh snovidenii XIX–XX vv.: fol'klornye, mifologicheskie i bibleiskie arkhetyipy v literaturnykh snovidenijah XIX–nachala XX vv* [The history of literary dreams of the XIX–XX centuries: folklore, mythological and biblical archetypes in literature dreams XIX–XX c.]. Moscow: Universitetskaya kniga.

Propp, V. (1998). *Poetika folklora* [Poetics of folklore]. Moscow: Labirint.

Raian, V.F. (2006). *Tolkovanijasnovidaniya, svjazannye s chelovecheskim telom* [The interpretation of dreams and divination associated with the human body]. In V.F. Raian, *Banja v polnoch': istoricheskii obzor magii i gadanii v Rossii* [Bath at midnight: historical overview of

magic and divination in Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 225–234.

Sadova, T. (2004). *Narodnaya primeta kak tekst: lingvisticheskiy aspekt* [Popular superstition as text: linguistic aspect]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ.

Sadova, T.S. (2012). «Mekhanizm» svorachivaniya i razvorachivaniya teksta primety v ustnom snovidcheskom rasskaze [“The mechanism” of folding and unfolding of the text marks in the oral dreaming story]. In S.V. Vjatkina & D.V. Rudnev (Eds.), *Grammatika i stilistika russkogo jazyka v sinkhronii i diakhronii: ocherki* [Grammar and stylistics of Russian language synchrony and diachrony: essays] Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 457–465.

Strakhov, I. (1955). *Psikhologiya snovideniy* [Psychology of dreams]. *Minutes of Saratov State Pedagogical University. Vol. XX*. Saratov: Saratov State Pedagogical University Publ.

Tolstaya, S.M. (2001–2002). *Inomirnoe prostranstvo sna* [Otherworldly sleeping space] In S.Yu. Neklyudov (Ed.), *Sny i videniya v narodnoi kul'ture. Mifologicheskii, religiozno-misticheskii i kul'turno-psihologicheskii aspekty* [Dreams and visions in popular culture. Mythological, religious and mystical, cultural and psychological aspects]. Moscow: Moscow State Humanitarian University Publ., 198–219.

Tolstoy, N.I. (2003). *Narodnye tolkovaniya snov i ikh mifologicheskaya osnova* [The folk interpretation of dreams and their mythologi-

cal basis]. In N.I. Tolstoy, *Ocherki slavjanskogo jazychestva* [Essays of Slavic paganism]. Moscow: Indrik, 303–310.

Veselovskiy, A. (1940). *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF AN ORAL STORY ABOUT THE DREAM

Tatyana S. Sadova, Doctor of Philology, Professor of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: tatsad_90@mail.ru

Abstract. The article considers the textual characteristics of oral stories about dreams and dreaming. We consider the presence of typical patterns of verbal narratives, belonging to both folk and modern spontaneous speech, which is recorded by researchers. The material for the research is more than 200 narratives about dreams and dreaming, collected in St Petersburg during 2004–2005. The typical narrative is considered to be a specific discourse genre with selected poetic features. In focus in the present study is a set of semantic, stylistic and structural characteristics of the texts under consideration. A selected strata of research concerns urban narrative about dreams and dreaming in Dostoevsky's novels.

Key words: oral stories about dreams, folk narrative texts, the typical pattern.

